

ОБ ОДНОМ СМЫСЛОВОМ ИЗМЕРЕНИИ
ОБРАЗА «САМОВЛАСТЬЯ» У А. С. ПУШКИНА:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

*Драгоценной памяти Михаила Давидовича Амирханяна,
с благоговением и благодарностью*

С. Б. КАЛАШНИКОВ

Московский городской педагогический университет

sergeyk34@gmail.com

В статье осуществляются наблюдения над контекстуальной семантикой лексемы «самовластье» в ранних произведениях А.С. Пушкина. Анализ текстовых, подтекстовых и интертекстуальных смыслов позволяет сделать вывод о том, что в художественной системе поэта понятие «самовластие» становится смысловой антитезой понятия «самодержавие» и мыслится как извращенная форма монархического правления, основанная на нарушении нравственных норм и юридического регламента.

Ключевые слова: самовластие, самодержавие, политическое мировоззрение, текст, контекст, подтекст, семантика

1. Как это ни странно, но при всем многообразии исследований, посвященных политическому мировоззрению А.С. Пушкина, вопрос о функции некоторых фундаментальных понятий идеологического и государственно-правового дискурса начала XIX в. в его произведениях весьма далек от окончательного разрешения. Прежде всего мы имеем в виду термины «самовластье» и «самодержавие», значение которых во многих работах, посвященных творчеству поэта, становятся объектом досадных aberrаций.

Так, например, в «Словаре языка Пушкина» «самовластие» определяется как «ничем не ограниченная власть, деспотизм» [17, с. 24], а «самодержавие» истолковывается как «неограниченная монархия,

деспотизм» [17, с. 25]. Нетрудно заметить, что обе дефиниции оказываются практически тождественны, с той лишь разницей, что в первом определении отсутствие ограничений и деспотизм распространяются на власть в целом, а во втором присущи одной из ее разновидностей – монархии¹, что, вероятно, дает составителям «Словаря» основание рассматривать «самодержавие» как частный случай проявления «самовластия».

Несомненно, следует принять во внимание то обстоятельство, что первое издание «Словаря» осуществляется в 1956 – 1961 гг., однако тенденциозное идеологическое истолкование этих понятий сохраняется и в последующих изданиях, в том числе – во 2-м дополненном (1990), а также в переиздании 2000-го г. Не лишены пристрастности и односторонности в решении этого вопроса и работы последних трех десятилетий, которые пытаются реконструировать политическое мировоззрение молодого Пушкина исходя из государственно-правовых предпочтений его приятельского окружения или публичного поведения поэта и наталкиваются на неизбежные противоречия: то он, вслед за Николаем Тургеневым, предстает сторонником конституционной монархии (ода «Вольность»); то, заодно с Чаадаевым («Он в Риме был бы Брут»), выступает категорическим противником самодержавия, готовым к политическому террору и даже покушению на Александра I, которое навсегда увековечило бы гражданский подвиг тираноубийц в памяти благодарных сограждан («Напишут наши имена!»), подобно жертвенной гибели Гармония и Аристоклитона² «на обломках самовластия»; то кажется сторонником проекта возведения на трон императрицы Елизаветы Алексеевны, внушенного Федором Глинкой («Я пел на троне добродетель / С ее приветною красой»). Общественно-политическая позиция Пушкина после декабристского восстания озадачивает не меньше: с одной стороны, в личном разговоре с государем Николаем Павловичем он

¹ От *μόνος* «один» (восходит к праиндоевр. *men-) + *ἀρχός* «вождь, правитель», от *ἀρχή* «начало, начальство, власть» [2].

² Афинские граждане, совершившие в 514 году до н. э. покушение на братьев-тиранов Гиппия и Гиппарха, в результате чего убили последнего и погибли сами.

говорит о том, что был бы вместе со своими друзьями на Сенатской площади, с другой – пишет стихотворение «Стансы», ставшее поводом к упрекам в сервизме.

Если юношескую гражданскую непоследовательность Пушкина еще можно как-то объяснить тем, что «все эти внешние противоречия лежат в сфере политических убеждений, каковых на тот момент у Пушкина просто не было» [19, с. 20-21], то применить подобное объяснение к зрелому Пушкину едва ли получится. Искать объяснения этой «противоречивости» стоит, как нам представляется, не во внешних причинах и обстоятельствах, но во внутренней логике собственно поэтического мировоззрения автора, которое даже в юношеский период обладало неоспоримой цельностью и последовательностью развертывания. Система политического мышления Пушкина располагается не вне, а внутри его эстетического модуса и предопределена степенью именно художественной разработки общественно-политических понятий, доктрин или правовых теорий в произведениях предшественников и современников.

Уже ранние тексты Пушкина лицейского и послелицейского периода обнаруживают устойчивую тенденцию к созданию сложного семантического контекста собственных произведений, внутри которого только и оказывается возможной корректная интерпретация тех или иных понятий, образов и смыслов. Так, например, в оде «Вольность» совмещены многочисленные интертекстуальные планы из произведений Ломоносова, Капниста, Радищева и Державина, а метрико-ритмические вариации, рифменный репертуар строфические и лексико-грамматические ресурсы, образно-тематические решения (библейская традиция увещания земных царей и традиция визионерской поэзии) создают такое художественное пространство, внутри которого, с одной стороны, происходит намеренное столкновение полемических по отношению друг к другу художественных контекстов – державинского и радищевского, а с другой – осуществляется построение собственной поэтической концепции соотношения Свободы, нравственного Закона, юридической законности и Власти [9; 11].

Именно поэтому контекстуальная семантика этих двух ключевых для пушкинской художественной историософии и почти равнозначных по частотности употреблений в произведениях поэта лексем (само имя существительное «самовластие» встречается у Пушкина 14 раз, а производные от него прилагательные и наречия насчитывают 16 словоупотреблений; лексема «самодержавие» использована 11 раз, а ее производные – 12) нуждается в существенных уточнениях.

2.1. Тема самовластия впервые заявлена у Пушкина в оде «Вольность» (1817), где сразу же подвергнута концептуальной обработке:

Самовластительный Злодей!

Тебя, твой трон я ненавижу,

Твою гибель, смерть детей

С жестокой радостью вижу [15, Т.1, с. 284].

Контекстуально слова эти обращены к Наполеону и его потомству. Не случайно в рукописном варианте к словам «злодейская порфира» Пушкин сделал примечание: «Наполеонова порфира». Безусловно, здесь имеется в виду эпизод самопровозглашения Наполеона императором Франции, когда еще на стадии подготовки этого церемониала Бонапарт допустил серьезное нарушение регламента по отношению к высшему духовному лицу всего католического мира: «Наполеон пожелал, чтобы римский папа лично участвовал в его предстоящей коронации, как это было сделано за тысячу лет до него, в 800 г., с Карлом Великим. Но Наполеон решил внести при этом некоторую, довольно существенную поправку: Карл Великий сам поехал для своего коронования к папе в Рим, а Наполеон пожелал, чтобы римский папа приехал к нему в Париж» [20, с. 142]. Пий VII, вопреки собственной воле, но по настоянию Священной коллегии, фактически под «парадным конвоем» был доставлен из Ватикана в Фонтенбло, где Наполеон встретил его «в охотничьем костюме, окруженный охотниками, псырами и собаками <...> в нескольких шагах от загородного дворца, где тогда проживал. Папский кортеж остановился, и папу пригласили выйти из кареты, перейти через дорогу и пересесть в коляску императора, который даже не двинулся

с места. В том же духе обходился он с папой во все время пребывания его в Париже» [20, с. 143].

Серьезные изменения были лично внесены Наполеоном и в литургию коронации, строго регламентированную Римским понтификатом: «...когда в торжественный момент Пий VII стал поднимать большую императорскую корону, чтобы надеть ее на голову императора <...> Наполеон внезапно выхватил корону из рук папы и сам надел ее себе на голову, после чего его жена, Жозефина, стала перед императором на колени, и он возложил на ее голову корону поменьше» [20, с. 143].

Демонстративно неуважительное отношение к главе Римско-католической церкви, нарушение регламента интронизации и коронации 2 декабря 1804 года в Соборе Парижской Богоматери ставили под вопрос легитимность восшествия Наполеона на престол и позволяли рассматривать его не только как узурпатора³ и тирана⁴, но и в качестве «исчадия ада», «бича владык и народов» и даже, в соответствии с текстом «Нового отлучения Наполеона от церкви Папой Пием VII», в образе Антихриста [14, с. 234]. Введенный Пушкиным в поэтический оборот неологизм «самовластительный»⁵, таким образом, характеризует лицо, которое самовольно, по одному лишь своему хотению присвоило верховную власть и наследство не только прежних французских королей, но и императора Карла Великого, а также самочинно назначило себя «наследником и Римской империи, объединителем стран западной цивилизации» [20, с. 141].

³ Происходит от лат. *usurpator* «захватчик» [2].

⁴ Тирán (др.-греч. τύραννος): 1) в Древней Греции (в основном в VII—VI веках до н. э.) лицо, насильственно захватившее власть. этимологически связано с неохеттским титулом *sarawanas/tarawanas*^[10], от которого также, возможно, происходит филистимский титул *seren* (𐤑𐤍). Капитан на корабле. В период античности и ранней классической эпохи слово *тиран* имело нейтральный оттенок [2].

⁵ Позднее в стихотворной речи он будет использован только двумя русскими поэтами: К.Ф. Рылеевым в наброске думы «Вадим» (1821-1823): «Грозен князь самовластительный!» [16, с. 330] – и Н.М. Языковым в послании К.К. Павловой (1844): «И все, что ныне говорит / Поэту – мрачно-гордый вид / самовластительной столицы» [23, с. 382].

Однако у оды «Вольность», благодаря сюжетному параллелизму эпизодов из французской и русской историй, появляется не менее важный подтекст, который связывает формулу «самовластительный злодей» также и с образом Александра I. Нельзя не согласиться с выводом Б.М. Гаспарова о том, что «мессианистическая символика, сложившаяся в годы Отечественной войны и нацеленная на борьбу с «беззаконной» властью Наполеона, была переинтерпретирована в применении к борьбе с «самовластием» русского императора, и шире, с «идолагрией» всякой имперской власти» [6, с. 65]. Однако утверждение это нуждается в существенной, на наш взгляд, поправке: для старших современников Пушкина и его «высокоумных» ровесников (будущих декабристов) «самовластие» вполне конкретного русского императора Александра I (а не просто *всякой* имперской власти) подтверждалось не столько его «злоупотреблениями» властью⁶, сколько самой ситуацией прихода к ней – пусть и косвенным, но участием в заговоре против легально и легитимно взошедшего на престол монарха и собственного отца. Именно поэтому «самопровозглашение» Наполеона императором Франции спустя почти 12 лет после казни Людовика XVI и события дворцового переворота в ночь с 11 на 12 марта 1801 года юным Пушкиным в оде «Вольность» рассматриваются как явления одного и того же порядка: насильственная смерть законного правителя всегда оборачивается утверждением господства нового владыки «по собственному произволению». Подобно тому, как вероломное попрание закона (либерально-просветительский модус истолкования права) приводит к появлению «самовластительного злодея» во Франции, цареубийство 11 марта может обладать такими же последствиями и для русской истории: вместо своевольного и подверженного страстям царя-Калигулы на престол взойдет еще более жестокий и коварный владыка-

⁶ Напротив, упрекнуть Александра I в «произволе правления» вряд ли мог кто-либо из его современников. Хорошо этот главный недостаток всего русского «государственного быта» осознавал и сам молодой государь: и в официальных указах, и в частных беседах он постоянно выражал основное правило, которым будет руководствоваться на протяжении своего правления: на место личного произвола деятельно водворять строгую законность.

деспот [10, с. 11-12]. Причем в соответствии с русским комплексом представлений о самозванчестве даже находящийся на престоле тиран Павел I воспринимается как «праведный», т.е. «правильный» царь⁷.

Иначе говоря, в прецедентном для Пушкина тексте на тему самовластия довольно отчетливо очерчен семантический контур самого этого понятия: связано оно

а) с незаконной узурпацией престола путем физического устранения предшественника;

б) с параллелизмом французского и русского исторических сценариев, внутри которых образы Наполеона и Александра I оказываются функционально тождественны – оба нарушили нравственные нормы и юридический регламент при обретении высших властных полномочий.

Сопrotивление такой «неправедной власти», вплоть до физического устранения ложного царя, в либерально-правовой западноевропейской традиции вменяется в гражданский долг, а с точки зрения религиозно-нравственных установлений требует отказа от служения такому государю и активному духовному сопротивлению его власти. Думается, именно в этом ключе следует понимать финальные строки пушкинского послания «К Чаадаеву» (1818): «И на обломках самовластия / Напишут наши имена!», – которые приобретают актуальный, но все-таки ситуативный общественно-политический смысл в связи с проведением осенью 1818 г. Ахенского конгресса в рамках Священного союза. В соответствии с его хартией Александр I становился для европейских народов арбитром не только в политических и экономических вопросах, но и конфессиональных: «Государя, подписавшие этот акт, обязались руководствоваться в своей политике заповедями христианства, “которые, отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни,

⁷ Как отмечает Б.А. Успенский, «не поведение, но предназначение определяет истинного царя; поэтому царь может быть тираном (как, например, Иван Грозный), но это ни в коей мере не говорит о том, что он не на своем месте» [22, с. 148]. В этой системе представлений Павел I все равно остается царем по Божьему промыслу, а не царем «по собственной воле».

долженствуют, напротив того, управлять волей царей и водить за нос всеми их деяниями”» [8, с. 288]. Эсхатологический пафос заключения «Священного союза» сводился, как известно, к идее объединения трех христианских церквей Европы – протестантской, католической и греческой – в единую христианскую церковь под эгидой не Бога, а человека, именно русского царя – для установления всемирного Царства Христа [8, с. 290]. С высокой долей вероятности можно предположить, что не об «обломках» самодержавия как о системе государственного правления говорит здесь Пушкин, но о неизбежном падении «неправедной власти» и ее «инфернального ига» вполне конкретного монарха – Александра I и о том нравственном и гражданском долге, который обязывает обладающих честью молодых людей бороться с «гнетом власти роковой».

Думается, этот же комплекс представлений о гражданском и нравственном долге по отношению к «неправедному царю» и его приспешникам объясняет написание П.А. Вяземским между 1814 и 1816 гг. эпиграммы на Сперанского («На степени вельмож Сперанский был мне чужд. / В изгнание, под ярмом презрения и нужд, / В нем жертву уважал обманчивого счастья; / Стал ненавистен мне угодник *самовластья*» [5, с. 81] и Е.А. Боратынским – на Аракчеева (конец 1824 – начало 1825 гг.):

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов – *самовластью* –
Какой-то адскою любовью горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней [1, с. 210].

Главный упрек, который адресуется бывшему государственному секретарю и нынешнему управляющему Собственной Его Императорского Величества канцелярией, – угодничество и рьяное служение неправедной власти, причем у Боратынского оно приобретает еще и отчетливо выраженный демонический оттенок.

Вторят этим текстам и строки из раннего (1820) стихотворения Ф.И. Тютчева, адресованного автору оды «Вольность»:

Разнежь, растрогай, преврати /
Друзей холодных *самовластья* /

В друзей добра и красоты! [21, Т.1, с. 27],

– где выражается надежда на возможное исправление очерствевших сердец, в том числе и «под царскою парчою», воздействием «волшебных струн» певца. Примечательно и то, что едва ли не семнадцатилетний Тютчев здесь осуществляет последовательное и отчетливое разграничение понятий «самовластье» и «самодержавие» (заявлено эмблематически через образ царской короны): «Но граждан не смущай покою / И блеска не мрачи венца» [21, Т. 1, с. 27], что вполне согласуется с его будущей идеей пагубного «самовластия человеческого я, возведенного в политическое общественное право» [21, Т. 3, с. 145] при рассуждении о бунте и гибели декабристов в частности и духовных причинах европейских революций в целом (см. об этом: [4]).

2.2. Еще одним близким по времени написанию к «Вольности» и посланию к Чаадаеву текстом, где упоминается «самовластье», становится эпиграмма «На Карамзина» (1818), правда, как отмечает В.А. Кожевников, до сих пор «нет точных, убедительных фактов, доказывающих или опровергающих авторство Пушкина» [13, с. 161]:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость *самовластья*
И прелести кнута [15, Т. 1, с. 303].

В.А. Кожевников делает убедительное предположение о том, что появлению на свет этого текста мы скорее обязаны шутке: «молодые якобинцы», среди которых были Н.И. Тургенев, М. Муравьев-Апостол и даже П. Катенин⁸, распространяли «злые» по содержанию, но

⁸ Первый, в частности, причислил Карамзина к «хаммам» и решил не посылать ему свою книгу «Опыт теории налогов», второй назвал «Историю государства Российского» «царедворной подлостью», а третий охарактеризовал ее как «подлую и педантическую» [13, с. 164].

чрезвычайно слабые по форме эпиграммы на Карамзина. «Можно предположить, – пишет исследователь, – что Пушкин, прочитав их, “со смехом” (как он писал оду “Вольность” в доме братьев Тургеневых) “исправил” одну из них, не придавая этому серьезного значения» [13, с. 166], а спустя 8 лет сожалел об этой шалости: «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни» [15, Т. 8, с. 50].

Тем не менее рассуждение о «самовластии» в связи с этой эпиграммой более чем уместно. Первые 8 томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина вышли 1 февраля 1818 года. Издание осуществлялось при личной финансовой поддержке Александра I. Более того, современникам Карамзина было хорошо известно, что его начинание было активно поддержано императором, который указом от 31 октября 1803 года даровал автору официальное звание придворного историографа. Эти обстоятельства давали повод М.Ф. Орлову, Н. Муравьеву, М.Т. Каченовскому и уже упомянутым «вольнодумцам» и «либералистам» заподозрить Карамзина в угодничестве и предвзято отнестись к его многолетнему труду, хотя подлинная причина «нападок» состояла, вероятно, в более серьезных и именно политических расхождениях: «они негодовали, не найдя в трудах Карамзина подтверждения своим взглядам на российскую историю» (историю «варварства и тирании»), «не поняли грандиозного творения Карамзина и оценить его не смогли» [13, с. 163, 164].

Действительно, слово «самовластье» употребляется в первых 8-ми томах «Истории государства Российского» не один десяток раз, однако почти повсеместно оказывается окружено одними и теми же контекстуальными синонимами – «тиранством» и «необузданными страстями»: «с одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусных кознях; с другой *о самовластии, о тиранстве*» [12], «Извиняли преступника чем только могли: юностью его лет, несносным *тиранством и самовластием* Еленина любимца» [12], «Сии крайности *беззаконного, грубого самовластия и необузданных страстей* в Правителях государства ускорили перемену, желаемую народом и неприятелями Шуйских» [12] и др. В конечном итоге это

приводит Карамзина к известной и широко цитируемой апофегме: «Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где *обязанность*, там и *закон*: никто же и никогда не сомневался в обязанности Монархов блюсти счастье народное» [12], – которую, вероятно, и уточнял Пушкин в «Замечаниях при чтении «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина»: «Закон ограждается страхом наказания. Законы нравственные, коих исполнение оставляется на произвол каждого, а нарушение не почитается гражданским преступлением, не суть законы гражданские» [15, Т. 7, с. 363].

Однако предшествующий карамзинской максиме текст оказывается не менее важен: «Два Государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать Самодержавие как бы необходимою принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть Монархов казалась иноземцам *тираниею*, они в легкомысленном суждении своем забывали, что *тирания* есть только злоупотребление Самодержавия, являясь и в Републиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество» [12], – важен, потому что содержит в себе дифференциальный признак, по которому собственно Самодержавие он отличает от «злоупотреблений Самодержавия» («самовластия» и «тирании», или «любоначалия»), придавая истории исконное этическое измерение, когда «правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики» [12]. И Пушкин не опровергает этого взгляда, а напротив, согласуется с ним в концепции «Вечного Закона» в оде «Вольность», демонстрирует приверженность ему в «Борисе Годунове», а затем и в «Капитанской дочке».

2.3. Еще одно упоминание «самовластия» встречается у Пушкина в часто цитируемой заметке «О русской истории XVIII века» (1822): «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники *самовластия* в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: En Russie le gouvernement est un despotisme mitige par la strangulation (Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой (перевод

Пушкина) [15, Т. 8, с. 93]. По наблюдениям Л.И. Вольперт, в пушкинской формуле происходит намеренная контаминация сразу двух высказываний госпожи де Сталь. Одна отдаленно схожая мысль содержится в ее книге «Десять лет в изгнании» (1821): «Ces gouvernements despotiques, dont la seule limite est l'assassinat du despote, bouleversent les principes de l'honneur et du devoir dans la tête des hommes» («Эти деспотические правительства, ограниченные лишь возможностью убийства деспота, опрокидывают в человеческой голове понятия чести и долга») [3, с. 125]. Другая – в ее знаменитом комплименте, адресованном Александру I: «Ваш характер, государь, – конституция вашей империи, а ваша совесть – ее гарантия» [3, с. 125]. Причем, ни одну из реплик даже с натяжкой не получается назвать «bon mot»: в книге воспоминаний высказывание «облечено в сугубо книжную форму и вряд ли могло пользоваться известностью» [3, с. 125], дипломатическая светская любезность также лишена характера остроты – и даже удачный по тональности ответ государя не делает ее «славной шуткой»: «Если бы это и было так, то я был бы только счастливой случайностью» [3, с. 125].

Чтобы корректно интерпретировать смысл пушкинского афоризма, необходимо понять контекстуальные смыслы претекстов Жермены де Сталь. Во-первых, прежде чем ее формула из воспоминаний приобретет столь отточенную формулировку, в «Путевом дневнике» знаменитая француженка разными способами варьирует эту мысль о своеобразных формах «ограничения» абсолютной монархии в России: «Дворяне скорее убьют своего государя, нежели обойдутся с ним непочтительно [...] В деспотических странах преступления знати внушают куда меньшее отвращение, нежели в странах свободных. У русских нет иной защиты от тирании жестокого властителя [...]. Дворяне, кажется, служат своего рода кровавой хартией между деспотическим правителем и безжалостным народом. [...] Они охотнее меняют правителя, нежели форму правления. Они хотят сохранить за собою право карать своих государей» [18]. Иначе говоря, описывая специфику устройства власти в России, де Сталь акцентирует внимание на том, что при тирании жестокого властителя русское дворян-

ство само проявляет деспотические наклонности и, в случае покушения на свои исконные права, осуществляет своеобразный акт возмездия в виде устранения неугодного монарха: деспотизм такого правителя и поправление им нравственных норм и юридических законов санкционируют жестокость его окружения по отношению к нему самому.

Думается, что такое положение дел в «государственном быте» России очень хорошо осознавалось и самим Пушкиным, сделавшем в дневнике 1834 года следующее замечание об Александре I: «Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы жестокие истины...» [15, Т.8, с. 31], – и даже его предшественниками: подобными же словами в своих «Записках» Державин говорит о государыне Екатерине II: «Но если рассуждать, что она была человек, что первый шаг ее восшествия на престол был не непорочен, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ее страстей, против которых явно восставать, может быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали» [7, Т. VI, с. 700–701].

Во-вторых, комплимент, сделанный государю Александру I, снабжается в мемуарах известной француженки-изгнанницы еще несколькими важными комментариями, проясняющими ситуацию его произнесения: «Император Александр с жаром рассказывал мне о своей нации и о том, на что она способна. Упомянул он и о своем – известном всему свету – желании улучшить участь крестьян, до сих пор находящихся в крепостной зависимости. «Ваше величество, – отвечала я, – в вашей империи конституцией служит ваш характер, а порукой в ее исполнении – ваша совесть». – «Даже если это правда, – возразил он, – человек – не более чем счастливая случайность». Великолепные слова, каких, я полагаю, не произносил до сего дня ни один самодержец! Сколько добродетели потребно, чтобы осудить деспотизм, будучи деспотом (курсив наш – С.К.); сколько добродетели необходимо, чтобы ни разу не употребить во зло абсолютную власть в стране, где сами подданные изумляются умеренности столь редкостной!» [18]. Это контекстуальное «окружение» комплиментарной фразы позволяет понять, что де Сталь воспринимает

монархическую власть в России как некую форму восточной деспотии, которая а priori зиждется на тирании и жестокости – и великодушие и добродетельность собеседника являются исключением, скорее подтверждающим правило, чем опровергающим его.

Между тем, за искренним, на первый взгляд, восхищением русским монархом скрывается некое недоверие к «деспоту»: де Сталь было известно о дворцовом перевороте 11-12 марта 1801 года и участии Александра Павловича в нем, о чем она умалчивает в основном тексте своих мемуаров, но проговаривается в «Путевом дневнике», рассуждая о «русском молчании» в связи именно с этим конкретным политическим событием: «В день смерти Павла I – молчание даже среди гвардейцев»; «Молчание в день смерти Павла I при провозглашении Александра» [18]. Т.е. Александр I воспринимается ею в двойном модусе, а значит, нельзя исключать того, что ее комплиментарная оценка русского монарха не лишена двусмысленности: характер Александра основан на склонностях к «противочувствованию» (см. пушкинское стихотворение «К бюсту завоевателя»), и сравнение его с «конституцией» содержит в себе противоречие явного и скрытого смысла: постоянно декларируемое в публичном пространстве желание ввести конституцию (т.е. свод *незыблемых* законов) вступает в категорическое противоречие с *непостоянным* и *уклончивым* характером инициатора этой радикальной государственной реформы. А при упоминании «совести» монарха как гаранта исполнения этого намерения подразумевается обратное тому, что говорится: совесть государя отягощена убийством предшественника и по совместительству собственного отца.

Особенно примечательно то, что ответ Александра I может быть интерпретирован в том же амбивалентном модусе и не без доли сомнения в искренности говорящего («Даже если это правда...»): «Я случайно оказался не в том месте и не в то время, потому что человек – жертва случайности». Возникает, конечно, закономерный вопрос, почему «случайность» названа Александром I «счастливой»? Думается, что смысл его ответа оказывается идентичен тому, что заложен в поговорках «не было бы счастья, да несчастье помогло» и

«всякий на моем месте поступил бы так же», т.е. не случись убийства моего отца, я бы не стал задумываться о конституции и пресечении деспотического порядка обретения власти.

Лишь совмещение семантики этих двух высказываний с пушкинской фразой, имитирующей афористичный стиль госпожи де Сталь, начинает обладать той остроумной интеллектуальной игрой смыслов, которые приобретают характер многослойной саркастической⁹ насмешки. Прямое упоминание в начале заметки имени Павла I переводит не выраженный явным образом смысл высказываний французской писательницы из области подтекста в зону семантической определенности и текстовой однозначности, предельно заостряя его и лишая амбивалентности истолкования: Пушкиным дается не только отрицательная оценка деятельности заговорщиков 11 марта 1801 года, но в подтексте в целом «конституционной программе» Александра I, возведенного этими заговорщиками на престол.

«Смешение, нарочитое или может быть безотчетное, двух высказываний де Сталь, – комментирует эту особенность Л.И. Вольперт, – как раз и отражало эту потребность: создать контекст, который сближал бы в сознании читателей имена Павла и Александра и напоминал бы об отцеубийстве. Мастерски имитируя стиль афоризмов де Сталь, Пушкин как бы «создает» заново нужную ему французскую цитату. Он не только придает высказыванию писательницы отточенную афористическую форму, но и прямо ориентирует его на Россию» [3, с. 126] – а именно, добавим мы, на формы государственного правления в России XVIII века (заметка Пушкина, напомним, посвящена именно этому вопросу), печально известного своими многочисленными дворцовыми переворотами.

Намек на участие Александра I в отцеубийстве приобретает в этом афористическом высказывании Пушкина характер универсалии

⁹ Здесь более чем уместно вспомнить, что слово «сарказм» этимологически восходит к др.-греч. *σαρκασιός*, далее из *σαρκάζω* «разрывать мясо, как собака» [18], т.е. саркастическая шутка не просто подобна укусу собаки, но осуществляет болезненный разрыв и содрогание плоти.

и «основного нормативно-правового акта» (т.е. собственно – конституции) всей русской истории предшествующего столетия – начиная с нарушения «царского слова» о подписании «Кондиции» Анной Иоанновной и «гуманного» пожизненного заключения Ивана VI Елизаветой Петровной и заканчивая убийством мужа Екатериной II и даже собственного отца Александром I. Иначе говоря, главным закон государственного устройства России до сих пор являлась совесть «самовластительного злодея», отягощенная нравственным преступлением ради достижения престола.

3. Таким образом, предварительные наблюдения над контекстуальной семантикой лексемы «самовластие» в отдельных произведениях А.С. Пушкина позволяют сделать вывод о том, что в художественной системе поэта это понятие не тождественно «самодержавию», а скорее мыслится как его смысловая антитеза и извращенная форма монархического правления, основанная на существенном отклонении от нравственных и юридических норм. Такое разграничение предполагает в дальнейшем внесение существенных корректив в представление о политическом мировоззрении поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений. Ленинград: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1989. 462 с.
2. Викисловарь. Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь:Заглавная_страница.
3. *Вольперт Л.И.* Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Временник Пушкинской комиссии, 1973 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 125–126.
4. *Воропаев В.А.* Что означает слово «самовластье» у Ф.И. Тютчева? // Русская речь. 2004. № 6. С. 6–12.
5. *Вяземский П.А.* Стихотворения. Ленинград: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1958. 507 с.
6. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С-Пб.: Академический проект, 1999. 400 с.

7. *Державин Г.Р.* Сочинения / под ред. Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883.
8. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.
9. *Калашиников С.Б.* Державинские претексты в структуре оды А.С. Пушкина «Вольность» // Русистика и компаративистика. Сборник научных трудов по филологии. Москва, 2023. С. 156–178.
10. *Калашиников С.Б.* Модель тождества двух самозванцев: Наполеон и Александр I в творчестве А. С. Пушкина // Пушкинские чтения-2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXII международной научной конференции. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2017. С. 9–22.
11. *Калашиников С.Б.* Ода А.С. Пушкина «Вольность»: эволюция интертекстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2007. № 6. С. 23–30.
12. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Эл. ресурс: [https://ru.wikisource.org/wiki/История_государства_Российского_\(Карамзин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/История_государства_Российского_(Карамзин)) Дата обращения: 01.06.2025.
13. *Кожевников В.А.* О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека»: Пушкин и Карамзин // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. Вып. I. Москва: Наследие, 1995. С. 151—185.
14. Новое отлучение Наполеона от церкви Папой Пием VII // Сын Отечества. Кн. XVII. 1813. С. 229–234.
15. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979.
16. *Рылеев К.Ф.* Полное собрание стихотворений. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1971. 480 с.
17. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус.

- яз. им. В. В. Виноградова. Москва: Азбуковник, 2000. Т4., 1227 с.
18. *Сталь, Жермена де*. Десять лет в изгнании [Текст] / Жермена де Сталь; перевод с французского статьи и комментария В.А. Мильчиной. - Санкт-Петербург: Крига: Изд-во Сергея Ходова, сор. 2017. 471 с. Эл. ресурс: <https://knizhonka.com/read-book/desyat-let-v-izgnanii-zhermena-de-stal.html>. Дата обращения: 01.06.2025.
 19. *Сурат И., Бочаров С.* Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. - М.: Языки славянской культуры, 2002. 240 с.
 20. *Тарле Е.В.* Собрание сочинений / Е. В. Тарле. – Москва: Издательство академии наук СССР, 1959. Том 7. 859 с.
 21. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и письма. В 6-ти томах. Москва: Издательский Центр «Классика», 2002 – 2005.
 22. *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 142–183.
 23. *Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. Москва; Ленинград: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1964. 706 с.

REFERENCES

1. *Boratynskij E.A.* Polnoe sobranie stihotvorenij. Leningrad: Sov. pisatel': Leningr. otd-nie, 1989. 462 s.
2. *Vikislovar'*. Rezhim dostupa: https://ru.wiktionary.org/wiki/Vikislovar':Zaglavnaya_stranica.
3. *Vol'pert L.I.* Eshche o «slavnoj shutke» gospozhi de Stal' // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1973 / AN SSSR. OLYA. Pushkin. komis. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1975. S. 125–126.
4. *Voropaev V.A.* CHto oznachaet slovo «samovlast'e» u F.I. Tyutcheva? // Russkaya rech'. 2004. № 6. S. 6–12.
5. *Vyazemskij P.A.* Stihotvoreniya. Leningrad: Sov. pisatel': Leningr. otd-nie, 1958. 507 s.

6. *Gasparov B.M.* Poeticheskij yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka. S-Pb.: Akademicheskij proekt, 1999. 400 s.
7. *Derzhavin G. R.* Sochineniya / pod red. YA. Grot: v 9 t. SPb., 1864–1883.
8. *Zorin A.L.* Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 416 s.
9. *Kalashnikov S.B.* Derzhavinskie preteksty v strukture ody A.S. Pushkina «Vol'nost'» // Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnyh trudov po filologii. Moskva, 2023. S. 156–178.
10. *Kalashnikov S.B.* Model' tozhdestva dvou samozvancev: Napoleon i Aleksandr I v tvorchestve A. S. Pushkina // Pushkinskie chteniya-2017. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina, 2017. S. 9–22.
11. *Kalashnikov S.B.* Oda A.S. Pushkina «Vol'nost'»: evolyuciya intertekstov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. ZHurnalistika. 2007. № 6. S. 23–30.
12. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo. El. resurs: [https://ru.wikisource.org/wiki/Istoriya_gosudarstva_Rossijskogo_\(Karamzin\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Istoriya_gosudarstva_Rossijskogo_(Karamzin)). Data obrashcheniya: 01.06.2025.
13. *Kozhevnikov V.A.* O «prelestyah knuta» i «podvige chestnogo cheloveka»: Pushkin i Karamzin // Moskovskij pushkinist: Ezhegod. sb. / Ros. AN. IMLI im. A. M. Gor'kogo. Pushkin. komis. Vyp. I. Moskva: Nasledie, 1995. S. 151—185.
14. Novoe otlučenje Napoleona ot cerkvi Papoj Piem VII // Syn Otechestva. Kn. XVII. 1813. Str. 229–234.
15. *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977-1979.
16. *Ryleev K.F.* Polnoe sobranie stihotvorenij. Leningrad: Sov. pisatel'. Leningr. otd-nie, 1971. 480 s.
17. Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. / Otv. red. akad. AN SSSR V. V. Vinogradov. 2-e izd., dop. / Rossijskaya akademiya nauk. In-t rus.

- yaz. im. V. V. Vinogradova. Moskva: Azbukovnik, 2000. T4., 1227 s.
18. *Stal', ZHermena de. Desyat' let v izgnanii* [Tekst] / ZHermena de Stal'; perevod s francuzskogo stat'i i kommentarii V.A. Mil'chinoj. - Sankt-Peterburg: Kriga: Izd-vo Sergeya Hodova, cop. 2017. 471 s. El. resurs: <https://knizhonka.com/read-book/desyat-let-v-izgnanii-zhermena-de-stal.html>. Data obrashcheniya: 01.06.2025.
 19. *Surat I., Bocharov S. Pushkin: Kratkij ocherk zhizni i tvorchestva.* - M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 240 s.
 20. *Tarle E. V. Sobranie sochinenij / E. V. Tarle.* – Moskva: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1959. Tom 7. 859 s.
 21. *Tyutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma. V 6-ti tomah.* Moskva: Izdatel'skij Centr «Klassika», 2002 – 2005.
 22. *Uspenskij B. A. Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen // Uspenskij B.A. Izbrannye trudy.* Moskva: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1996. T.I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. S. 142–183.
 23. *Yazykov N.M. Polnoe sobranie stihotvorenij.* Moskva; Leningrad: Sov. pisatel': Leningr. otd-nie, 1964. 706 s.

ՄԵԿ ՍԵՄԱՆՏԻԿ ՉԱՓԻ ՄԱՍԻՆ
«ԲՌՆԱՏԻՐՈՒԹՅԱՆ» ՊԱՏԿԵՐԸ Ա. Ս. ՊՈՒՇԿԻՆԻ ՄՈՏ.
ՆԱԽՆԱԿԱՆ ԴԻՏԱՐԿՈՒՄՆԵՐ

Ս. Բ. ԿԱԼԱՃՆԻԿՈՎ
Մոսկվայի քաղաքային համալսարան

Հոդվածում դիտարկումներ են արվում Ա.Ս. Պուշկինի վաղ շրջանի ստեղծագործություններում «բռնապետություն» լեքսեմի համատեքստային իմաստաբանության վերաբերյալ: Տեքստային, ենթատեքստային և միջտեքստային իմաստների վերլուծությունը թույլ է տալիս եզրակացնել, որ բանաստեղծի գեղարվեստական համակարգում «բռնապետություն» հասկացությունը դառնում է «ինքնակալություն» հասկացության իմաստային հակադրությունը և ընկալվում է որպես միապետական կառավարման աղավաղված ձև,

որը հիմնված է բարոյական նորմերի և իրավական կարգավորումների խախտման վրա:

Բանալի բառեր՝ բռնապետություն, ինքնակալություն, քաղաքական աշխարհայացք, տեքստ, համատեքստ, ենթատեքստ, իմաստարանություն

**ABOUT ONE SEMANTIC DIMENSION
THE IMAGE OF "DESPOTISM" IN A. S. PUSHKIN:
PRELIMINARY OBSERVATIONS**

S. B. KALASHNIKOV
Moscow City University

The article makes observations on the contextual semantics of the lexeme "despotism" in the early works of A.S. Pushkin. The analysis of textual, subtextual and intertextual meanings allows us to conclude that in the poet's artistic system the concept of "despotism" becomes the semantic antithesis of the concept of "autocracy" and is thought of as a perverted form of monarchical government based on violation of moral norms and legal regulations.

Key words: *despotism, autocracy, political worldview, text, context, subtext, semantics*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 17 июня 2025 г., подписана к печати в № 1.СХХ (120).2025 30.06.2025.